

— Учитель, тогда я сначала вернусь, — произнес Линь Цзяньлу, когда Янь Хань вышел.

— Ага, хорошо, — молодой и красивый учитель из медпункта мягко и вежливо попрощался с ним. — Если что-то понадобится, приходи ко мне еще.

Проводив Линь Цзяньлу взглядом, Ли Хуунли повернулся к Янь Ханю и спросил:

— Живот болит? Есть диарея? Наблюдаются ли еще какие-нибудь симптомы?

Школьный врач был не только молодым, но и дотошным и ответственным, поэтому он настоял, чтобы Янь Хань прилечь для осмотра.

Учитывая, что он сейчас переодет в женскую одежду, Янь Хань, разумеется, не мог позволить себя осматривать, поэтому он наотрез заявил, что у него просто разболелся живот от какой-то еды.

— Судя по твоему виду секунду назад, вовсе это не похоже на несварение, — в этот момент Ли Хуунли уже ни капли не походил на того интеллигентного и утонченного человека, что был минуту назад. В нем проснулось нечто назойливое, и он похлопал по стоявшей рядом с ним больничной койке: — Ну же, иди сюда! Не стесняйся, ложись, учитель тебя осматрит.

Янь Хань: ???

Только что он еще изображал из себя образцового педагога, а теперь преобразился до неузнаваемости — неужели это потому, что в медпункте они остались вдвоем?

Так этот учитель — конченный извращенец?!

В голове внезапно всплыла новость из недавних хроник про учителя, изнасиловавшего ученика, и теперь, глядя на эту мерзенькую физиономию напротив, Янь Хань инстинктивно закатал рукава.

Не знаю, портил ли ты раньше девчонок, но раз уж сегодня попался мне, этот папаша вершит правосудие во имя небес!

Совершенно не скрываясь, Янь Хань продемонстрировал свою свирепую сторону.

Он цапнул Ли Хуунли за воротник.

Ли Хуунли тут же сник:

— Тьфу, стой-стой-стой! Я просто пошутил!

— Твою мать, разве так шутят?! — Янь Хань оскалился на него. Хотя он и казался худым, но мог с легкостью приподнять Ли Хуунли, который был примерно с него ростом.

Ли Хуунли был всего лишь хрупким доктором, куда ему было сопротивляться? То, как Янь Хань одной рукой держал его за воротник, больше всего напоминало ловлю цыпленка.

Заметив, что сейчас в лицо ему прилетит кулак, тот заорал, молитвенно приговаривая:

— Стой! Пощади, великий герой! Я правда пошутил! Вообще-то я здесь, чтобы встретить тебя!

— Встретить меня? — рука Янь Ханя не опустилась, а свирепое выражение лица ничуть не смягчилось.

Ли Хуунли больше не смел напускать на себя таинственность и выпалил всё разом:

— Я знаю твою личность, меня приставили сюда помогать тебе, можешь считать меня NPC!

— Мою личность? Какую еще личность? — спросил он.

Ли Хуунли скосил глаза вниз и сглотнул слюну:

— Личность парня... парня в женской одежде...

Янь Хань: «...»

Встретившись с Ли Хуунли взглядом, Янь Хань еще долго не мог успокоиться.

Он не сразу отпустил его, а повернулся и мысленно спросил у Пятиборья:

— Какого черта тут происходит?!

Система ведь раньше ничего не говорила про каких-то NPC!

[И не говорила, что их не будет.] — в голосе Сяо У слышалось чистое невинство.

— Значит, ты заранее знало, что здесь будет NPC, который меня встретит, но просто не сказало мне? — произнес Янь Хань. — Давай рассуждать логически: если бы я сам догадался, что здесь

меня кто-то ждет, на кой ляд ты мне вообще сдалось?

[Я, я, я...] — Сяо У всё еще чувствовало себя обиженным и не удержалось от плаксивых ноток в голосе: — [Это вообще не входит в мою юрисдикцию, если кого и винить, так этого NPC!]

Янь Хань: «...»

[У-у-у-у!]

Ладно-ладно, он был неправ. Янь Хань больше всего на свете ненавидел, когда кто-то плачет, особенно если этот плач раздавался прямо у него в голове и сопровождался звуками капающей воды...

У этого звукового эффекта слез был слишком уж громкий динамик!

Да еще и с эхо — оно что, воображает себя карстовой пещерой?

Из-за этого ему снова захотелось в туалет!

— Я неправ, братец У, не плачь, пожалуйста. Я не должен был тебя винить, во всем виноват этот NPC.

[Правда? Кап-кап.]

— Правда, — Янь Хань признал свою вину чрезвычайно охотно.

...Спорить с карстовой пещерой на полном серьезе он действительно не мог.

Янь Ханю не оставалось ничего другого, кроме как выместить злость на NPC:

— Так почему ты, твою мать, не встретил меня пораньше?

Хотя он так и ругался, на этот раз он все же отпустил его.

— Мне же нужно было сначала убедиться в личности... кхе-кхе-кхе! — освободившись, Ли Хуунли со страхом глубоко вздохнул и потер шею.

Он не осмеливался признаться, что вообще-то был почти уверен в этом еще со вчерашнего дня.

Обычный человек просто не может быть настолько красивым.

Так что в этом деле надо винить Главного Бога — с каких это пор от NPC что-то скрывают?!

В этом вопросе Янь Хань и Ли Хуунли пришли к абсолютному единогласию.

Отыскав козла отпущения, Янь Хань все же не стал так просто отпускать Ли Хуунли:

— Даже если ты NPC, отвечающий за мою встречу, это не значит, что ты не извращенец. Говори, портил ли ты когда-нибудь каких-нибудь девчонок?

— Клевета! Чудовищная клевета! — Ли Хуунли снова обхватил голову руками. — Я просто хотел испытать тебя, проверить, тех ли людей я ищу.

Взгляд Янь Хань по-прежнему оставался свирепым.

Ли Хуунли заговорил с густым деревенским акцентом:

— ...В этой комнате есть камеры, да я бы и не смел приставать к каким-то девчонкам. К тому же я гей! Гей! Если уж и приставать, то к паренькам при деньгах и с хорошими навыками...

Говоря это, он снова невольно скосил взгляд вниз — прямиком на юбку Янь Ханя.

Янь Хань: «...»

Янь Хань очень хотел сказать ему, чтобы тот не тратил силы зря: этот папаша вообще-то точно такой же, как он, и ему тоже нравятся парни при деньгах и с хорошими навыками.

Впрочем, они не настолько близко знакомы, так что подобные щекотливые темы лучше пока не поднимать.

Брат Янь прямо и без затей спросил:

— Говори, какую пользу ты можешь мне принести?

— О, — при упоминании своей работы Ли Хуунли сразу посерьезнел. — Главный Бог направил меня сюда в основном из опасений, что ты попадешь в какую-нибудь неприятность в школе и твою личность раскроют, если отправят в школьный медпункт. Что же до остального... можно ли считать пользой то, что я могу предложить тебе свое тело?

— ...Проваливай!

Разозлившись, он отвесил тому пинка. Поистине, когда интеллигентный и симпатичный юноша внезапно демонстрирует столь мерзкую сторону своего характера, это производит сильное впечатление.

Янь Хань спросил:

— Что еще?

— Что еще? Судя по твоему запущенному виду, живется тебе здесь наверняка тяжело! Тогда я могу поделиться с тобой некоторыми секретами отбеливания кожи, ухода за лицом и телом, а также похудения. Мы сможем вместе делать маски, вместе заниматься йогой, и я ручаюсь, что под моим руководством ты станешь самой-самой-самой красивой красавицей в женском образе во всей школе!

Янь Хань: «...»

Придя в восторг от собственных слов, Ли Хуунли невольно повысил голос, из чего было очевидно, что он полон безграничных надежд на будущее.

...Пшли вы к черту!

Сяо У было еще куда ни шло, но почему в голове этого NPC тоже одни только быюти-процессуальные штучки!

Недаром говорится: одного поля ягоды.

Сразу видно, что они оба из одной организации.

Янь Хань хотел заявить, что этот папаша вовсе не горит желанием накладывать маски и заниматься йогой.

Но, вспомнив требования Пятиборья, он тут же растерял всю уверенность и не посмел произнести это вслух.

Хотя главное ведь совсем не в этом!

Истинная красота — явно не то, в чем он остро нуждается прямо сейчас.

— О да, — перед тем как Янь Хань успел расสวิрепеть и побить его, Ли Хуунли вдруг хлопнул

себя по лбу. — Я же принес тебе скрытое задание в качестве награды за разблокировку меня как NPC. После его выполнения ты получишь случайный сундук с сокровищами.

...

!!!

— Какое скрытое задание? — Янь Хань тут же сосредоточился на этом вопросе.

— Проявить заботу о благотворительном фонде, — ответил Ли Хуунли. — Как только показатель заботы достигнет 100 единиц, задание будет считаться выполненным.

Едва смолкли его слова, перед глазами Янь Ханя возникла световая завеса.

На ней отображалась информация о некоторых благотворительных организациях, а также способы проявить заботу и соответствующие за это очки.

Бросив беглый взгляд, Янь Хань подумал, что это задание вполне можно взять, оно не выглядит запредельным.

К тому же это определенно доброе дело.

Янь Хань заявил, что берется за это поручение, и снова спросил Ли Хуунли:

— А есть ли в школе другие NPC вроде тебя?

— Нет, я единственный, кто может тебя встретить, — с воодушевлением затараторил Ли Хуунли. — Так что ты должен относиться ко мне хорошо! Очень хорошо, понимаешь?

Янь Ханю было лень с ним возиться.

Договорившись с Ли Хуунли, на обратном пути Янь Хань чувствовал себя бодрым и посвежевшим. Он подумал, что утренние позывы к мочеиспусканию были потрачены не зря.

Судя по неторопливому и ненадежному поведению Ли Хуунли, реши он тогда просто так сбегать в женский туалет, еще неизвестно, когда бы они сошлись характерами.

Короче говоря, в дальнейшем по нужде можно ходить либо в административное здание, либо к Ли Хуунли — один вопрос был решен.

Перестав беспокоиться об отсутствии подходящего туалета, он перестал постоянно думать о своем мочевом пузыре. Позывы исчезли, и огромный камень свалился с его сердца.

Вернувшись, Янь Хань с головой ушел в учебу.

Его база и так была слабой, а материал за первое полугодие первого года старшей школы оставался совершенно незнакомым, так что догонять упущенное сейчас оказалось делом крайне непростым.

К тому же он был худшим учеником, а у отстающих даже методик учебы нет, и стартовая точка гораздо ниже, чем у остальных. Единственное, на что он мог полагаться в этот момент — это чистая сила воли.

К счастью, сегодня уже пятница, а завтра выходные, и он сможет выбраться из школы, чтобы выполнить то самое скрытое задание, которое только что получил у Ли Хуунли.

Способов проявить заботу о детском доме существовало множество, и пожертвование денег было самым быстрым из них.

Но была одна проблема — у него не было денег.

Именно в этот момент Янь Хань осознал, что упустил из виду еще одну вещь. Он спросил у Сяо У:

— Э-э... вы, кажется, до сих пор не объяснили мне, как быть с моими карманными расходами здесь, в школе?

Обычно старшеклассники должны тратить родительские деньги на обучение и жизнь, но с самого вчерашнего дня никто словом не обмолвился о том, что у него вообще есть семья?

Когда Янь Хань еще был прежним Янь Ханем, он давным-давно рассорился со своими домашними. Семейные узы казались ему чем-то иллюзорным и призрачным, и поскольку у него никогда особо не было родных, он вспомнил об этом только сейчас.

Но теперь-то он — Янь Хань, и в описании персонажа о родственниках Янь Хань не было ни слова. Неужели...

[У «Янь Хань» рано умерли родители, в другом городе у него остались пожилые дедушка с бабушкой, которые каждый месяц переводят ему деньги.]

Словно рассеявшийся туман, открывший новую карту, стоило Янь Ханю задать вопрос, как в его голове тут же всплыли воспоминания об этом периоде.

Это была своего рода скрытая сюжетная линия: старики потеряли сына и теперь могли рассчитывать лишь на мизерную пенсию, чтобы вырастить внучку.

На средних экзаменах «Янь Хань» показала неплохие результаты, иначе она бы просто не поступила в эту школу.

Однако стоимость жизни в старшей школе Луцзэ была слишком высока. В школе, конечно, существовали стипендии для поощрения прилежных учеников, а также возможность заработать, участвуя в различных конкурсах, но психологической устойчивости и способностей «Янь Хань» явно не хватало по сравнению с остальными. Ее нынешняя успеваемость не позволяла рассчитывать на стипендию, при этом ей приходилось сталкиваться с непомерно высокими расходами на учебу и проживание.

Тот самый другой город, где жили старики, на деле оказался крошечным уездным городком, пенсии там были невелики, и содержать старшеклассника стоило огромного труда.

«Янь Хань» прекрасно это понимала, она испытывала колоссальное давление, а из-за бедности становилась все более и более закомплексованной.

Чем сильнее развивался комплекс неполноценности, тем хуже становились оценки, и в итоге всё превратилось в порочный круг.

...Что за черт!

Зачем наделять персонажа, существующего лишь в описании сеттинга, такой убогой предысторией?! Янь Хань заново переосмыслил содержание своего задания: переодевание в женскую одежду, выполнение достижений Пятиборья и поступление в университет Икс — и ни единого слова о финансовых проблемах.

Но без денег прожить невозможно, и по сравнению с теми квестами Янь Хань считал, что в первую очередь нужно обеспечить себя едой, а уже потом думать обо всем остальном.

...Завтра выйду за пределы школы и посмотрю, нет ли какого способа заработать хоть немного денег.

Эх.

Наступила суббота.

По выходным ученики первого года старшей школы не учились: помимо огромной горы заданий, у них было два полностью свободных дня.

Многие местные ребята разъехались по домам, но дедушка и бабушка «Янь Хань» жили далеко, и чтобы сэкономить на проезде и освободить время для учебы, она обычно не ездила домой ни в какие дни, кроме долгих каникул.

Янь Хань как раз решил следовать этой привычке и планировал потратить выходные на выполнение того задания детского дома.

Школьная учеба вчера вымотала его до предела, а ночное сидение в общежитии над уроками и вовсе едва не довело до полусмерти, но в субботу утром он все равно поднялся спозаранку, умылся и стал собираться на выход.

Приняв во внимание, что в выходной день не нужно надевать школьную форму, Янь Хань просто выудил из шкафа самый нейтральный наряд.

Толстовка с темно-красным буквенным принтом, классические джинсы, пара добела отмытых кед на ногах и бейсболка на голове — отражение в зеркале смотрело на него дерзким и строгим взглядом, а во всей фигуре чувствовался необузданный нрав. Хотя кости казались тоньше, чем прежде, он полностью вернул себе истинный мужской облик, и никто бы в жизни не догадался, что в школе этот парень числится красоткой в женском платье.

Покрутившись перед зеркалом и критически оглядев себя, Янь Хань одновременно почувствовал удовлетворение и облегчение.

Система говорила, что в период учебы в старшей школе он не имеет права раскрывать свою истинную личность, но она ничего не упоминала о необходимости сохранять женский образ после окончания школы.

Раз уж ему предстоит жить в этом мире, он должен строить планы на будущее.

Даже будучи геем, Янь Хань не испытывал ни малейшего недовольства или претензий к своему мужскому телу. Сексуальная ориентация и гендерная идентичность — совершенно разные вещи, и в дальнейшем он собирался жить как мужчина.

Именно поэтому он в свое время и отверг предложение Сяо У сделать операцию по смене пола.

Ощувив себя прежним братцем Янем, Янь Хань успокоился, закинул за плечи собранный с вечера рюкзак и вышел из комнаты.

То ли ему казалось, но воздух на улице был гораздо свежее школьного.

Утреннее солнце только-только показалось из-за горизонта, лучи рассвета едва золотили землю, воздух был влажным и слегка прохладным.

Стоило избавиться от необходимости носить юбку, как настроение Янь Ханя взлетело ввысь, а в теле появилась невероятная легкость.

В это тихое субботнее утро, когда на улице еще почти никто не показывался, он был так воодушевлен, что готов был нарезать пару кругов по стадиону.

На скорую руку прикупив в уличной забегаловке пару паровых булочек, он отправился на заранее присмотренную автобусную остановку.

Хотя этот город был ему незнаком, в телефоне имелась навигация, да и Сяо У всегда был рядом, так что добраться до детского дома для него не составляло труда.

Хрустящие булочки с куриным бульоном и хрящиками звонко хрустели на зубах. Совершенно не заботясь об имидже, Янь Хань присел на корточки прямо на остановке, уплетая еду и одновременно прикидывая расписание на сегодня.

Вчера он уже все изучил: помимо прямого пожертвования денег, проявить заботу о детском доме можно было и через волонтерскую работу. Всё оценивалось в очках вклада, а точное их количество определяла уже сама Система.

Короче говоря, требовалось совершать больше полезных дел.

Вскоре подошел автобус. Янь Хань проглотил последний кусочек булочки, бросил полиэтиленовый пакет в урну рядом с остановочным знаком и запрыгнул в салон.

Место, куда он направлялся, находилось на конечной станции этого маршрута и представляло собой государственный детский дом на окраине города.

История у учреждения была довольно долгая, поэтому по выходным и праздникам туда неизменно стекалось немало волонтеров. Янь Хань приехал рано, и поскольку он был новичком, по прибытии ему предстояло пройти регистрацию.

Изначально для регистрации требовалось предъявить удостоверение личности, но этой штуки у Янь Ханя еще не было, так что ему пришлось довольствоваться студенческим билетом, чтобы подтвердить свою персону.

— Ого, да это же девчонка?

Янь Хань: «...»

Пожилая женщина, занимавшаяся регистрацией, выглядела очень старой, ее лицо покрывали морщины, но улыбка излучала невероятное тепло.

Записав основные данные Янь Ханя, она сообщила, что всё готово, выразила ему благодарность и попросила подождать в комнате, пока в учреждении определят, куда именно требуются рабочие руки.

Детский дом расположился в здании старой, почти заброшенной церкви. После заселения детей ремонт здесь так и не проводили, и во многих уголках по-прежнему сохранялся первозданный вид храма.

Комната, в которую вошел Янь Хань, когда-то служила местом молитв для прихожан, а установленные впереди крест и статуя Иисуса Христа придавали этому пространству религиозный налет.

Ему не пришлось долго ждать: около девяти часов утра та самая пожилая женщина заглянула за ним.

Только тогда Янь Хань узнал, что старушка — здешний директор.

— Деточка...

...

Хотя директор была женщиной с добрыми глазами, стоило ей назвать его деточкой, как Янь Хань снова почувствовал себя жутко неудобно.

— Угу, — сухо отозвался он.

Старый директор продолжила:

— Всякая тяжелая работа тут уже распределена, людей хватает. Я посмотрю, ты ведь старшеклассник? Не мог бы ты помочь нам с дополнительными занятиями для младших детей? Раньше уроки у малышей вела одна девочка из старших классов, но сегодня у нее неотложные дела, она не смогла прийти...

Янь Хань: — Дополнительные... дополнительные занятия?!

Отступив разом на три шага назад, Янь Хань замахал руками:

— Нет-нет, у меня у самого успеваемость хромает, лучше дайте мне какую-нибудь грязную работу!

Он и так пришел в волонтеры не по доброй воле, да еще и нос воротил — просто он отлично

знал уровень собственных знаний и страшно боялся искалечить чужие молодые умы. Не дай бог он по недосмотру испортит чужих детей, разве это не крах?

Янь Хань инстинктивно пытался отказаться, но тут подало голос доселе молчавшее Сяо У:
[Обучение и воспитание — отличный способ заработать очки вклада! Это намного быстрее, чем любая другая работа. Ты разве не слышал поговорку: лучше дать человеку удочку, чем рыбу?]

Старый директор тоже мягко улыбнулась:

— Ха-ха-ха, ничего страшного, в основном это совсем малыши дошкольного возраста. Можешь просто поучить их писать или рисовать, что угодно.

Янь Хань: — ...Ну тогда я... попробую?

Ради скорейшего выполнения скрытого задания... то есть, нет, ради того, чтобы дать им удочку!

Даже при его школьной успеваемости обучить детей азам письма или сложению в пределах десятки он вполне был способен. В конце концов, все это делается на благо малышей!

Условия в детском доме оставляли желать лучшего: под «классную комнату» отвели всего одно помещение во внутреннем дворе.

Школьная доска, парты и стулья имелись в наличии — говорили, что все это пожертвования от добрых людей. В конце концов, в нынешние времена количество желающих усыновить сирот далеко не успевало за ростом числа брошенных младенцев. Детей в детском доме становилось все больше: одним требовалась гуманитарная помощь, чтобы ходить в школу, другие же вовсе были лишены возможности учиться.

Эта маленькая аудитория служила для многих единственным источником знаний.

В классе преобладали дошкольники, которые не могли посещать центры раннего развития или детсадовские подготовительные группы, как другие домашние дети. Волонтеры вечно развлекали их, учили читать и писать.

— Ребята, это сестрица Янь, сегодня она проведет для вас урок и поделится знаниями. Давайте поприветствуем учителя Янь, — ласково представила Янь Ханя старый директор.

— Се-стри-ца Янь, здравствуйте~

— Сестрица Янь такая кра-а-асивая~ — затянули ребяташки детскими голосочками.

Янь Хань: «...»

Глядя на этих послушно сидящих за партами пухленьких карапузов, Янь Хань натянуто улыбнулся про себя. А когда старый директор удалилась, он небрежно оперся бедром о край учительского стола и произнес:

— Зовите меня дядей.

Малыши: «?»

— Ладно-ладно, — Янь Хань отмахнулся от них. — Зовите меня лучше учителем Янь.

— У-чи-тель Янь, здравствуйте.

Ученики послушно поприветствовали его во второй раз.

Сдерживая лицо, чтобы оно не скривилось от внутреннего напряжения, Янь Хань старался изо всех сил.

Побывав здесь, он только и понял, насколько суровой может быть жизнь в подобных местах.

Его собственное детство тоже не отличалось достатком, лишних денег не водилось, но все же находились люди, которые оплачивали его учебу и позволяли досыта наесться, так что до настоящего отчаяния сирот он не опускался.

Стоило ему оказаться в этой обстановке, как он ощутил жуткий дискомфорт. Ему было жаль этих детей, но он чувствовал свое бессилие и не знал, как всё исправить.

...Что ж, остается только засучить рукава и приняться за дело.

Поскольку дети были самого разного возраста, круг обязанностей Янь Ханя не ограничивался обучением грамоте и арифметике.

Сюда также входило развлечение ребят постарше и смена подгузников у малышей помладше.

Короче говоря, ему пришлось совмещать функции няньки и воспитателя. Поначалу он чувствовал себя жутко не в своей тарелке — этот братец за всю свою жизнь никогда не возился с детьми!

Однако он не мог устоять перед восторженными взглядами пухляшей, которые наперебой звали его «братец Янь» тоненькими голосками и вились вокруг него. В конце концов малыши

убаюкали его бдительность, и он полностью вжился в роль воспитателя детского сада.

Мало-помалу у него стало получаться обращаться с детьми, и он на редкость легко нашел общий язык со всей этой малышкой.

Первый день прошел успешно, и Янь Хань вернулся в школу только к пяти часам вечера. За сутки ему накапало больше тридцати очков вклада, и в целом результатом он остался доволен.

Завтра он поработает еще один день, а затем повторит это в следующие субботу и воскресенье, и тогда к концу следующей недели сможет заполучить заветный случайный сундук.

Жизнь наполнилась смыслом и стремлением.

Вернувшись в школу, Янь Хань не стал расслабляться: перекусив на скорую руку, он снова засел за книги с наступлением темноты.

Приближались экзамены на распределение по классам, а атмосфера в семнадцатом классе оставляла желать лучшего, и он намеревался пробиться в классы повыше.

К тому же каждый экзамен служил проверкой усвоенного за определенный период материала, и Янь Хань хотел дорожить оставшимися двумя неделями, чтобы совершить мощный рывок.

Хотя заставлять законченного троечника учиться — поистине мучительная пытка!

То и дело одолевал сон, приходилось бороться с ним из последних сил, и Янь Хань несколько раз порывался привязать волосы к балке или уколоть себя шилом.

Он знал, что спать нельзя: стоит человеку привыкнуть к комфорту, как всё будет кончено.

В итоге он продержался в жутком напряжении до глубокой ночи, стараясь выжать максимум из каждой минуты, пока наконец не закончил все задания по предметам и лишь после этого лег спать.

На следующий день ему снова предстояло отметиться в детском доме.

Изначально он думал, что снова придется возиться с малышами, но по прибытии его огорошили новостью: учительница Гун, которая обычно занималась с детьми, сегодня пришла на работу и даже привела с собой еще одного преподавателя.

Для единственного класса не требовалось столько учителей, и добросердечная старший директор в растерянности произнесла:

— Учитель Гун, похоже, будет вести только утреннюю смену. Маленький Янь, может, ты займешься пока чем-нибудь другим, а придешь во второй половине дня?..

— А, — Янь Ханю было все равно, сидеть с детьми или нет, поэтому он сообщил директору, что она может поручить ему любую другую работу.

— Ох, прошу прощения, дети ведь так к тебе привязались...

— Ничего страшного, директор, я готов делать что угодно, — небрежно бросил Янь Хань.

Хотя Сяо У и утверждало, что возиться с детьми проще для накопления очков вклада, сейчас у него не было выбора.

Поначалу он явился сюда исключительно ради очков, но после общения с малышами Янь Хань решил, что готов помогать просто так, лишь бы была польза.

В конце концов Янь Хань получил работу во дворе: ему поручили вырывать сорняки, обрезать ветки деревьев и стричь газон.

Вместе с ним трудились еще несколько подростков лет десяти-двенадцати — все они были воспитанниками детского дома, которых в свое время не усыновили. Самый старший из них в этом году уже праздновал шестнадцатилетие.

Шестнадцать лет... У «Янь Хань» день рождения был рано, в январе, и в этом году ей по возрасту исполнялось уже семнадцать, так что они были ровесниками с разницей всего в несколько месяцев, но этот пацан учился лишь в девятом классе.

Из-за тернистого пути к знаниям энтузиазма у мальчика по поводу скорых экзаменов почти не осталось: опасаясь непосильной платы за учебу в старшей школе, он больше не хотел обременять детский дом.

Еще до прихода сюда старый директор просила Янь Хань поговорить с ним и уговорить его, поэтому Янь Хань намеренно завел разговор:

— В какой школе ты учишься?

Шестнадцатилетнего подростка звали Цзи Чандун: фамилию он получил в честь старого директора, а имя ему тоже дала она.

Цзи Чандун ответил, что учится в девятнадцатой школе. Девятнадцатая школа слыла печально известным худшим учебным заведением, и, узнав, что Янь Хань учится в старшей школе Луцзэ, мальчик вспыхнул завистью и восхищением.

Однако тут же презрительно добавил:

— Учитель Гун ведь тоже из старшей школы Луцзэ, ее зовут Гун Юйсюэ, верно? Вы, наверное, знакомы.

— А? — Янь Хань призадумался, оскалил зубы и выдал: — Впервые слышу.

При упоминании учителя Гун презрение в голосе Цзи Чандуна стало еще отчетливее.

Это заставило Янь Ханя слегка удивиться.

— Обычно, когда учитель Гун не приходит, с малышами возишься ты? — снова спросил он.

— Ага, мы здесь все старшие, присматриваем за младшими.

— Ох, те малыши наверняка души не чают в этой учительнице Гун. Тебе и впрямь не стоит брать это в голову, дети ведь всегда тянутся ко всему новому...

Он вспомнил, как вчера за ним по пятам ходила целая ватага ребятишек, и решил, что едкие слова Цзи Чандуна вызваны завистью: мол, какая-то учительница переманила детскую любовь.

Однако Цзи Чандун лишь усмехнулся:

— Ты всё не так понял. Они её вовсе не любят. Зато ты им приглянулся.

Янь Хань:

— ...?

— Гун Юйсюэ не любит детей и у неё совсем нет терпения. Она пришла сюда преподавать лишь для того, чтобы разыгрывать спектакль на публику, — небрежно бросил Цзи Чандун. — Впрочем, она и впрямь пожертвовала детскому дому немало денег и вещей, да и заглядывает сюда лишь набегами, на полдня или день, так что все закрывают на это глаза.

Янь Хань:

— ...

Нет, погодите, неужели в этом мире всё настолько прогнило и лицемерно?

В одно ухо влетело, из другого вылетело. Янь Хань послушал и тут же забыл — воспринял всё как обычную сплетню.

Старый директор просил его уговорить Цзи Чандуна не опускать руки и не сдаваться, но, по правде говоря, Янь Хань понятия не имел, как это сделать.

Он и сам толком не знал, как заработать на жизнь, что уж говорить о наставлениях для этого парня?

Таков уж этот мир.

Они вместе с Цзи Чандуном и несколькими детьми привели в порядок задний двор, пообедали, но та учительница Гун всё ещё не ушла.

Янь Хань подумал, что ему нужно найти ещё какую-нибудь работу.

Однако никакой работы он не нашёл — вместо этого сами собой начались неприятности.

В тот момент Янь Хань на заднем дворе показывал ребятенку постарше, как играть в мобильную игру, как вдруг к ним подбежал другой ребёнок и, тяжело дыша, выпалил:

— Беда! Ян Цзыхуэй со своей бандой пришёл задирать Цзи Чандуна!

Все детишки, как один, подскочили со своих мест и схватили кто что попало под руку.

Янь Хань, ещё ничего не понимавший:

— ...Что здесь происходит?

Тем временем в классе несколько малышей послушно и чинно упражнялись в каллиграфии.

Дети от природы непоседливы и не умеют долго сидеть на месте. По крайней мере, пока рядом был Янь Хань, стоял весёлый галлёрж и смех, а сейчас в помещении царила абсолютная, зловещая тишина.

Гун Юйсюэ с мрачным лицом сидела за учительским столом и листала анонимный форум на телефоне.

Её взгляд был прикован к самой свежей фотографии, только что выложенной в фан-ветке Линь Цзяньлу.

На снимке виднелись со спины две высокие, стройные фигуры — судя по одежде, юноша и девушка. Девочка в школьной юбке держала парня под руку, прижавшись к нему очень близко.

Плечи юноши были слегка опущены, спина — прямой, а осанка — гордой. Одного его силуэта было достаточно, чтобы вызвать у кого угодно восхищение, но почему... почему он позволил этой девчонке взять себя под руку?!

В глазах Гун Юйсюэ вспыхнуло пламя жгучей зависти и обиды, но в этот момент прибежала её подруга:

— Юйсюэ! Она пришла! Линь Цзяньлу наконец-то здесь!

<http://bllate.org/book/24413/2851817>